

Шилова Ирина Сергеевна

**РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В
ОТНОШЕНИИ ТЕХНИЧЕСКОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1930-е ГОДЫ (по материалам Пермского
региона)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург 2011

Работа выполнена на кафедре новой и новейшей истории России ГОУ ВПО
«Пермский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Суслов Андрей Борисович.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Мотревич Владимир Павлович

кандидат исторических наук, доцент Быкова Светлана Ивановна

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Пермский национальный
исследовательский политехнический университет»

Защита состоится 9 декабря 2011 г. в 14.00 на заседании
диссертационного совета Д 212.285.16 по защите докторских и кандидатских
диссертаций при ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского
федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Автореферат разослан _____

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук,
доцент

Мазур Л.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Для современной России в условиях построения правового государства, создания институтов гражданского общества, налаживания диалога власти и народа, связующим звеном которого выступает интеллигенция, актуальным становится вопрос о месте интеллигенции в советском государстве. Точки зрения по данной проблеме диаметрально противоположны – от добровольного сотрудничества и подчинения представителей интеллигенции до противостояния и саботажа мероприятий советской власти, а, следовательно, репрессий. Преследования интеллигенции в СССР являются одной из трагических страниц истории нашей страны, когда представители интеллектуальной элиты были исключены из всех сфер жизни – политической, социальной, образовательной, культурной, что негативно отразилось на развитии.

В последние годы наметилась тенденция пересмотра оценок репрессивной политики советского государства. Всестороннее и объективное изучение проблемы как одной из характерных черт эпохи сталинизма важно для понимания процессов, происходящих в современном обществе. В связи с этим актуализируется задача изучения репрессивной политики советского государства в отношении интеллигенции в 1930-е гг. не только в масштабах страны, но и на региональном уровне.

Степень разработанности проблемы. В советский период историографии репрессивная политика власти по отношению к населению в целом и отдельным категориям граждан не могла стать самостоятельной темой научного исследования. Прежде всего, это связано с тем, что репрессивные меры советского государства были идеологически обоснованы и трактовались как легитимные действия властей. В современных историографических исследованиях, по наблюдению историка А.В. Квакина, рассматривается в основном исключительно современная историография

истории интеллигенции¹. В связи с этим встает вопрос разработки периодизации историографии репрессивной политики власти в отношении интеллигенции в Пермском регионе в 1930-е гг. В диссертации предлагается следующая периодизация изучения рассматриваемого вопроса: в рамках советского периода: конец 1930-х – конец 1950-х гг., начало 1960-х - сер. 1980-х гг.; переходный период: конец 1980-х начало 1990-х гг.; постсоветский период: 1990-е гг.; современный - с начала 2000-х гг. по настоящее время. В данном случае периодизации учитываются такие параметры, как изменение оценок событий, введение в научный оборот новых исторических источников, расширение проблематики исследования, интенсивность региональных исследований. Такой подход позволяет проанализировать уникальность и целостность каждого этапа, оценить вклад исследователей в дело изучения взаимоотношений интеллигенции и власти в Пермском регионе в 1930 - е гг.

На первом этапе исследования носили описательный, пропагандистский характер. В послевоенные годы выделились научные центры разработки истории интеллигенции². Ученые рассматривали проблемы неэффективности государственного руководства высококвалифицированной интеллигенцией³.

Политические события, происходившие в стране после смерти И.В. Сталина в 1953 г., обусловили переход к новому историографическому этапу, для которого характерно фактографическое накопление материала. Но серьезных изменений в методологических подходах не произошло⁴. Весьма

¹ Квакин А. В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа. 1921-1927. Саратов, 1991; Российское государство и российская интеллигенция. Уфа, 2008; Современные подходы к изучению истории интеллигенции в России // Московский университет и судьбы российской интеллигенции: Матер.междунар. конф. М., 2004. С. 54 – 68.

² Локшин Э. Партия большевиков в борьбе за индустриализацию М., 1946; Ковалёв С.М. Интеллигенция в советском государстве. М., 1946; Ситников Г.Г. Урал. Стенография лекций прочитанных в высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1949; Константинов Н.А., Медынский Е.Н. Очерки по истории советской школы за 30 лет. М., 1948; Ким М.П. Коммунистическая партия – организатор культурной революции в СССР. М., 1955; Лашин А.Г. Культурно-воспитательная деятельность советского государства. М., 1955.

³ Процько М. О роли интеллигенции в советском обществе. М., 1953. С. 81.

⁴ Ермаков В.Т. К вопросу об освещении истории советской культуры в исторической литературе // Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества. Свердловск, 1974; Ермаков В.Т. Борьба Коммунистической партии за перестройку научных учреждений в годы первой пятилетки: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1955. С. 3.

показательна для данного периода оценка советского общества, историком С.М. Петровым: «Имеются два дружественных класса – рабочие и крестьяне. К ним примыкает интеллигенция, вышедшая из этих классов»⁵. Более того, репрессивная политика в этот период воспринималась двояко. Репрессии второй половины 1930-х гг. против партийно-государственных работников, военных, советских специалистов оценивались негативно, в то время как аресты остатков эксплуататорских классов – промышленников, кулаков, дореволюционной профессуры, инженеров, представителей оппозиционных течений в партии – троцкистов и бухаринцев, одобрялись и считались закономерными. Исследователи акцентировали внимание на проблемах формирования советской интеллигенции и месте специалистов в СССР⁶. А также сделали вывод, что именно в 1930-е гг. дореволюционная интеллигенция заняла позицию «лояльного сотрудничества»⁷.

В 1970-е гг. наметилась тенденция выделения региональной специфики⁸. Историк М.И. Кондрашёва, изучив процесс руководства технической интеллигенцией Урала со стороны партийных организаций в 1920-1930-е гг., отметила наличие в регионе более сильных, чем в целом по стране, «спецедеческих настроений»⁹.

В целом, для советской историографии характерна идеологизированность в оценках исторических фактов, закрытость темы политических репрессий периода 1930-х гг.¹⁰ Тем не менее, в советской историографии проделана значительная источниковедческая и

⁵ Петров С.М. Коммунистическая партия в борьбе за завершение строительства социализма и постепенный переход к коммунизму. М., 1955. С. 123.

⁶ Симуш П.И. Социальная роль и судьбы интеллигенции. М., 1969; Амелин П.П. Интеллигенция и социализм. М., 1970; Лутченко А.И. Создание инженерно-технических кадров в годы построения социализма в СССР. 1926-1958 гг. Минск, 1973; Главацкий М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. Свердловск, 1974. С. 284;

⁷ Веселов В.Р. К историографии деятельности Коммунистической партии по формированию советского учительства в 1917–1937 гг. // Советская интеллигенция и ее роль в коммунистическом строительстве в СССР. М., 1979. т. 2. С. 138; Добрускин М.Е. Об участии непролетарской интеллигенции в строительстве социализма // Научные доклады высшей школы. Научный коммунизм. М., 1974. № 6. С. 52;

⁸ Соликамский целлюлозно-бумажный. Пермь, 1961. Тиунов В. Энергетика западного Урала. Пермь, 1968. Николаев С. Чудесные соли. П., 1969; Терехин А.С. Архитектура и строительство социалистического Прикамья. Пермь, 1970; Афанасьев Б.А. Гудок над Суксун-заводом. Пермь, 1977. Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь, 1986.

⁹ Кондрашёва М.И., Главацкий М.Е. Проблемы формирования социалистической интеллигенции в трудах уральских историков // Историография социалистического строительства на Урале в переходный период (1917—1937). Свердловск, 1980. С. 119.

¹⁰ Степанов М.Г. Российская историография «большого террора» в СССР (1937-1938 гг.). Абакан, 2008.

историографическая работа, появились обобщающие исследования по данной тематике, сформировались научные школы и коллективные центры по разработке проблем интеллигентоведения, среди которых наиболее крупные: Екатеринбург (М.Е. Главацкий, М.И. Кондрашёва), Челябинск (Т.А. Андреева, М.А. Ахлюстина, С.С. Загребин), Иваново (В.С. Меметов), Новосибирск (В.Л. Соскин, С.А. Красильников), Омск (В.Г. Рыженко, С.Г. Сизов, Т.А. Сабурова)¹¹.

В постсоветский период исследования стали носить междисциплинарный характер, активно развивалось направление по исследованию «провинциальной интеллигенции». Региональная историография этого периода представлена в основном исследованиями по истории высшей школы и предприятий Урала 1930-х гг. В значительно меньшей степени освещена деятельность высших учебных заведений Пермского региона¹².

Первые итоговые работы появились в начале 2000-х гг. Современные авторы проанализировали репрессивную политику советского государства, направленную против отдельных профессиональных категорий граждан. В большей степени изучены репрессии против технической интеллигенции. Советские инженерно-технические кадры, в том числе и Пермского региона, стали предметом изучения ученых Л.М. Батенёва, М.Н. Гусаровой, И.К. Плотниковой, С.А. Рыжковой, В.С. Терехова и др.¹³ Внимание исследователей Е.И. Демидовой, Н.А. Крисановой, А.В. Сюкова направлено

¹¹Ахлюстина М.А. О понятии «интеллигенция» // Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии. Иваново: ИвГУ, 1993. С. 42-43;ГлавацкийМ.Е. Историография формирования интеллигенции в СССР в переходный период. Свердловск: Уральский университет, 1987; Зак Л.М. История изучения советской культуры. М., 1981; Кондрашёва М.И. Коммунистическая партия - организатор формирования социалистической интеллигенции на Урале в 1917—1927 годах. Иркутск, 1985; Соскин В.Л. Современная историография советской интеллигенции России. Новосибирск, 1996; Федюкин С.А. Партия и интеллигенция. М., 1983 и др.

¹² Вагнер Е.А. Пермский государственный медицинский институт. Пермь, 1988;Костицын В. Ректоры Пермского университета, 1916—1991. Пермь, 1991; Капцугович И.С. Пермский педагогический. Пермь, 2006 и др.

¹³Батенёв Л.М. История горного Урала. 1901-1940 гг. Екатеринбург, 2009; Гусарова М.Н. Исторический опыт формирования инженерно-технической интеллигенции в отечественной высшей школе в 30-40-е гг. 20 в. // *Власть. 2010. № 4*; Терехов В.С. Политические репрессии инженерно-технической интеллигенции Урала в 1930-е годы // История репрессии на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.). Нижний Тагил, 1997; Плотникова И.К. Судьбы технической интеллигенции в период тоталитаризма: С. Соляков (1911—1978) // Астафьевские чтения. Пермь, 2004. Вып. 2; Рыжкова С.А. Политические репрессии первой половины XX вв. судьбах технической интеллигенции России // Отечественные архивы. 2009. № 1.

на рассмотрение механизма репрессий в высшей школе¹⁴. Региональная специфика отражена в работах историков И.С. Капцуговича, В.И. Костицына, О.Л. Лейбовича, Л.А. Обухова, О.В. Топорковой, А.В. Шилова¹⁵.

Вопросы взаимодействия власти и интеллигенции в 1930-е гг. проанализировали исследователи С.С. Загребин, Н.С. Нижник, С.Н. Полторак, архивист Г.Ф. Станковская¹⁶. Формирование советской интеллигенции и роль специалистов СССР исследовали социолог Л.Л. Шпаковская, историки О.Ю. Олейник, Е.Э. Грезина и др.¹⁷.

Необходимо отметить, что именно под влиянием зарубежной историографии отечественные авторы стали уделять больше внимания изучению социальной истории, вопросам взаимоотношений власти и общества. Изучение проблем политических репрессии в СССР зарубежными исследователями активизируется в 1950-е гг. В этот период доминирующей в советологии становится тоталитарная концепция, сторонники которой настаивали на том, что СССР 1930-х гг. был тоталитарным государством, где террор носил государственный характер¹⁸. Репрессии насаждались сверху партийно-государственным аппаратом и носили массовый характер.

Интерес к рассматриваемой проблеме возрос после XX съезда и «разоблачения культа личности», получил отклик в работах европейских

¹⁴ Демидова Е.И. Становление и развитие советской высшей школы в 1920-1930 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2007; Крисанова Н.А. Высшая школа Мордовии 1931-1956 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1999; Сюков А.В. Власть и наука в среднем Поволжье в конце 1920-1930-е гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009;

¹⁵ Обухов Л.А. Репрессии в отношении профессорско-преподавательского состава университета в 30-е годы // Университетское образование и регионы: Междунар. Науч.-метод. конф. Ч.6. Пермь, 2001; Топоркова О.В. Власть и научно-педагогическая интеллигенция Урала//Интеллигент в провинции. Выпуск 2. Екатеринбург, 1997; Шилов А.В. Александр Петрович Дьяконов – ученый и педагог//Время и судьбы людей. Материалы науч.-практич. конф. Пермь, 1999.

¹⁶ Загребин С.С. Интеллигенция в провинции и государственная власть: проблемы взаимодействия. Интеллигент в провинции: Тезисы докладов Всерос. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 1997; Нижник Н.С. Судьба интеллигента в тоталитарном обществе // Тоталитаризм и личность: Тез. докладов междунар. науч.-практич. конф. Пермь, 1994; Станковская Г.Ф. Учитель и время. Иван Михайлович Захаров // Филолог. № 4. 2004. С.94–102; Полторак С.Н. Интеллигенция петербургской высшей школы: современное состояние и перспективы адаптации // Интеллигенция России в истории 20 века: неоконченные споры // К 90-летию сборника вехи. Екатеринбург, 1998. С. 270

¹⁷ Грезина Е.Э., Тургаев А.С. Тоталитарная идеологизация общества: о формировании советской интеллигенции в 20-30-е гг. // Тоталитаризм и личность: междунар. научно-практич. конф. Пермь, 1994. Олейник О.Ю. Условия и характерные черты профессиональной деятельности интеллигенции в провинции: 1930-е гг. // Интеллигент в провинции: Всерос. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 1997.

¹⁸ Friedrich C.J., Brzezinski Z.K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1956; Conquest R. The Nation Killers: Soviet Deportation of Nationalities. Londres, 1970; Ulam A.B. Stalin: The Man and His Era. Boston, 1989.

ученых¹⁹. В середине 1960-х гг. сложилось ревизионистское направление, представители которого С. Коэн, А. Гетти и др., в отличие от приверженцев тоталитарной школы, с одной стороны, отмечали многообразие и неоднозначность взаимоотношений в советском обществе, сложном, противоречивом характере репрессивной политики, обращая внимание на ее стихийность и хаос; с другой стороны, подчеркивали значимость местных процессов, влияние региональных элит - данные положения не имели под собой научных обоснований, и были выдвинуты в противовес тоталитарной теории²⁰.

Тематика исследований 1970-80-х гг. разрабатывалась в ключе противостояния советского общества и государства. Авторы пришли к выводу, что в стране путем активного государственного вмешательства власти создали инертную, безликую, управляемую массу. Исследователь С. Коэн отмечал, что сталинская революция сверху, проведенная в 1930-х гг., была навязана обществу, но для ее осуществления требовались и находились энтузиасты, в том числе из числа интеллигенции²¹. Ряд авторов полагали, что репрессии были направлены, прежде всего, не на партийную элиту, а на социальных маргиналов и «бывших людей», среди которых оказались и представители интеллигенции²².

В монографии «Дети Живаго» американский историк В. Зубок анализировал положение интеллигенции в СССР. Он писал о том, что преподаватели вузов – профессора с дореволюционным образованием, которые не разделяли коммунистические идеи, не могли передать студентам определенный набор качеств, присущий российской интеллигенции, при этом сохраняя в себе политические убеждения. Данная практика привела к

¹⁹Paschner G. Im Teufelskreis des Terrors: Bolschewistische Gewaltherrschaft unter Lenin, Stalin, Chruschtschow. Boppard/Rhein 1964; Andics H. Der Grosse Terror Von den Anfängen der russischen Revolution bis zum Tode Stalins. Wien, 1967; Conkwest R. The Great Terror: Stalin's Purges in the 1930s, London 1968.

²⁰Getty J.A. Origins of the Great Purges. Cambridge, 1985; Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921-1934, Cambridge University Press, 1979.

²¹Stephen F. Cohen, Rethinking the Soviet experience: Politics and history since 1917. New York, Oxford University Press, 1985.

²²Hagenloh P.M. Police, crime, and public order in Stalin's Russia, 1930-1941. Ph.D. Degree. Institute: The University of Texas at Austin: 1999.

тому, что интеллигенция в советском государстве прекратила свое существование²³.

Таким образом, в современной историографии за последние двадцать лет внесен существенный вклад в изучение проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти в 1930-е гг. на территории Пермского региона. Однако в региональной историографии внимание концентрировалось на отдельных аспектах проблемы. Обобщающих, комплексных работ до сих пор проведено не было, что и обусловило выбор темы исследования.

Объектом исследования является репрессивная политика советской власти в отношении интеллигенции в СССР.

Предмет исследования – реализация репрессивной политики советского государства в отношении технической и педагогической интеллигенции в Пермском регионе в 1930-е годы.

Интеллигенция в работе рассматривается как особая социально-профессиональная и культурная группа, с определенным образовательным уровнем (наличие высшего или среднего специального образования), занимающаяся сложным интеллектуальным трудом в сфере материального и духовного производства.

Хронологические рамки исследования – 1929 - конец 1930-х гг. Нижняя временная граница определяется 1929 г. - окончанием новой экономической политики, ростом партийно-государственного диктата. Верхняя временная граница обусловлена завершением большого террора в стране в конце 1930-х гг. Территориальные рамки в целом соответствуют современной территории Пермского края²⁴.

²³Zubok V. Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia, Belknap Press of Harvard University Press, 2009.

²⁴Обозначение «Пермский край» в изучаемый период – понятие условное, поскольку единого административно-территориального образования под таким названием в 1930-е гг. не существовало. 3 ноября 1923 г. была создана Уральская область. г. Пермь стал окружным центром в составе Уральской области. 17 января 1934 г. Уральская область разделена на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую. Пермский район вошел в состав Свердловской. 3 октября 1938 г. был принят Указ Верховного Совета СССР «О разделении Свердловской области РСФСР на Пермскую и Свердловскую». В состав Пермской вошли 12 городов, в том числе: Пермь, Березники, Лысьва, Кизел, Чусовой, 32 района, Коми-Пермяцкий национальный округ и 24 рабочих поселка. Тем не менее, возможно выделить Пермский регион как совокупность административно-территориальных единиц, которые располагались географически и по административному признаку в непосредственной близости, а также исторически и этнически были тесно связаны между собой

Цель исследования – проанализировать репрессивную политику советской власти в отношении технической и педагогической интеллигенции в 1930-е гг. на примере Пермского региона.

Достижению цели будет способствовать решение следующих **задач**:

- проанализировать методы проведения репрессивной политики власти по отношению к технической и педагогической интеллигенции;
- рассмотреть подходы власти к формированию новой интеллигенции;
- изучить репрессивную политику власти по отношению к инженерно-техническим кадрам в Пермском регионе;
- выявить особенности репрессии в высшей школе региона;
- исследовать репрессии против педагогической интеллигенции.

В основе методологии исследования концепция модернизации. Она, по мысли создателей, была призвана объяснить процессы трансформации общества. Историк И.В. Побережников выделил советскую модернизацию как отдельный этап российской модели модернизации, анализируя такие субпроцессы, как индустриализация, рост профессиональной мобильности и проблемы их взаимосвязи²⁵. Он отмечал, что модернизационный переход оказывает воздействие на каждый социальный институт, каждую категорию населения²⁶. Интеллигенция как социокультурная группа принадлежит эпохе модернизации. В этот период переплетаются элементы старых и новых общественных укладов. Изучение процесса репрессии против интеллигенции в тоталитарном государстве с точки зрения модернизационной парадигмы позволило прийти к выводу о репрессивных механизмах как закономерной части развития исторического процесса на определенном этапе. Профессор О.Л. Лейбович подчеркнул, что концепция модернизации перемещает фокус исторического исследования к реконструкции повседневной жизни общества, в том числе интеллигенции. Экономические и политические

²⁵Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. Побережников И.В. Модернизация: теоретические и методологические проблемы // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 7. М., 2001. С. 167.

²⁶Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции. // Проблемы истории России. Вып. 3. Екатеринбург, 2001. С. 217-246.

процессы 1930-х гг. в данном случае приобретают человеческое измерение²⁷. Использование модернизационного подхода к истории позволяет акцентировать внимание на тех проблемах карательной политики интеллигенции Пермского края, которые оставались вне поля зрения советских историков.

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма и научной объективности, предполагающих необходимость глубокого анализа событий и фактов репрессивной политики 1930-х гг. Описательный метод и метод реконструкции позволили выстроить логичное и последовательное изложение процесса взаимодействия власти и интеллигенции в 1930-е гг.

Принцип системности применялся для анализа процесса подготовки кадров в высшей школе в функциональной взаимосвязи. Применение метода сравнительного анализа в процессе изучения источников дает возможность выявить общее и особенное в региональном контексте рассматриваемого периода, учитывая конкретно-историческую обстановку, а также изучить природу исследуемых процессов и их причинно-следственные связи, обуславливающие и/или тормозящие развитие высшей школы. Метод статистического анализа применялся для анализа социальной структуры и численности технических и педагогических кадров. Анализ отдельных аспектов репрессивной политики осуществлялся с помощью биографического метода, изучение карательной политики через судьбы технических специалистов, учителей, студентов, преподавателей способствовал определению личностного фактора в образовательном процессе. Данные методы позволили обеспечить объективный исторический подход к исследованию заявленной темы, сделать концептуальные заключения на основе всестороннего анализа недостаточно изученных событий и фактов.

²⁷Лейбович О. Л. Интеллигенция: конец истории? // Ученые записки гуманитарного факультета. Вып. 1. Пермь, 2000. С. 145-165. Историко-методологические проблемы концепции модернизации // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2001. № 7. С. 131-142.

Комплексное изучение рассматриваемой проблемы предполагает использование методов источниковедческого анализа и синтеза, основанных на изучении формы, структуры и содержания источников, выявлении особенностей их происхождения, оценке степени достоверности памятников, что позволит установить информационные возможности используемых документов, определить их значение для исследуемой проблемы. Комплексное решение и всесторонний характер решения заявленной научной проблемы достигался путем сочетания хронологического и проблемного подходов.

Источниковая база исследования. Решение поставленных задач потребовало привлечения широкого круга неопубликованных и опубликованных документов и материалов, которые по происхождению и назначению можно разделить на следующие группы: 1) законодательные и правовые акты; 2) материалы партийных органов; 3) произведения деятелей партии; 4) архивно-следственные дела; 5) база данных «Репрессированные»; 6) периодические издания рассматриваемого периода; 7) нарративные источники.

Первая группа источников - законодательные и правовые акты, партийно-государственные документы, нормативные документы государственных органов различного уровня, где нашла отражение выработка и реализация политики партии по отношению к интеллигенции в 1930-е гг.²⁸ Данные документы создавались в недрах партии и выполняли, прежде всего, идеологическую роль.

Следующая группа источников - материалы партийных органов - позволяют получить целостную картину и установить влияние принимаемых решений на регионы, кадровую политику государства, в том числе в отношении интеллигенции²⁹. Здесь достоверно отражен фактографический материал. В то же время, интерпретация событий идеологически искажалась.

²⁸ Конституция РСФСР. М., Л., 1936; Уголовный кодекс РСФСР. М., 1938; Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Принят 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР 1922 г. № 20–21 и др.

²⁹ XVII съезд ВКП(б) Стенографический отчет. М., 1934; XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939; Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. М.; Л., 1947; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1931. № 29. Съезд

Оценку событий рассматриваемого периода содержат периодические издания – центральные и областные газеты рассматриваемого периода³⁰. Наиболее информативны с точки зрения освещения деятельности местных парторганизаций газета «Звезда», многотиражные заводские газеты. Данная группа источников содержит значительную часть фактического материала. При этом нельзя забывать, что полнота, достоверность и точность передачи фактов более всего зависит от тех позиций, с которых они освещались, а издания советского периода проходили строгую политическую цензуру. Вместе с тем, в газетах как печатных органах центральных и местных партийных органов отражены механизмы воздействия власти на общество.

Особенность заключается в том, что данные источники в большей мере не отображали действительность, а формировали ее. Транслировали «правильные» идеи, определяли массовое сознание, модель поведения, внедряли в массы идеологические установки правящей партии³¹.

Основой источниковой базы исследования является группа неопубликованных источников, представленная фондами архивно-следственных дел Пермского государственного архива новейшей истории – фонд 641/1 архивные уголовные дела на лиц, реабилитированных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. и Закону РСФСР от 18 октября 1991 г. и фонд 643/2 – архивные уголовные дела на лиц, снятых с оперативного учета в ИЦ УВД Пермского облисполкома. Здесь собраны разные по происхождению документы: делопроизводственная и иная документация периода, создаваемая в ходе ведения следствия и судебного разбирательства. Сведения биографического характера и личные документы, изъятые в ходе обыска, содержат важную и в большей степени достоверную информацию, что позволяет сопоставить уровень образования, профиль и занимаемую должность; автобиографию и производственные характеристики

Всесоюзной коммунистической партии большевиков. Стенографический отчет. М., 1939 и др.

³⁰ Березниковский рабочий; За кокс; Звезда; Культфронт Урала (Свердловск); Молотовский рабочий; Правда; Труд; Уральский рабочий и др.

³¹ Волин Б. Интеллигенция советского народа // Под знаменем марксизма. 1938. № 10. Вольфсон С. Интеллигенция как общественная прослойка при капитализме и социализме // Под знаменем марксизма. 1939. № 1; Дацук Г. Проблема специалистов в СССР. Вопросы труда. 1929. № 12; Чернов Ф. Советская интеллигенция – интеллигенция нового типа // Под знаменем марксизма. 1938. № 2 и др.

инженерно-технических кадров, влияние данных факторов на арест и меру наказания. В условиях существующего идеологического прессинга некоторые профессии рассматривались как неблагонадежные, представителям которых уделялось более пристальное внимание со стороны власти. Таким образом, документы, формирующие личные дела граждан, уникальны по содержанию и являются ценным источником для изучения данной темы. Однако не все материалы имеют одинаковую достоверность. Информация в архивно-следственных делах частично сфальсифицирована. Вместе с тем, архивно-следственные дела подтверждают необоснованность и надуманность обвинений в отношении технической и педагогической интеллигенции в рассматриваемый период.

Изучено 2402 архивно-следственных дела (10% от общего числа репрессированных в рассматриваемый период) отобранных по заданным параметрам (образование, место работы, занимаемая должность, социальное положение) из электронной базы данных «Репрессированные». Отдельные показатели были перепроверены по базе данных. Сопоставление результатов позволяет сделать вывод о репрезентативности выборки.

Электронная база данных «Репрессированные» так же включает в себя основные биографические сведения о гражданах, репрессированных по политическим мотивам местными органами ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ в 1918-1980-х гг. (значительную часть записей представляют дела 1930-х гг.) и составлена на основе архивно-следственных дел на уроженцев Пермского региона, а также лиц, проживавших накануне ареста на данной территории. Здесь информация представлена более сжато – полное имя, дата, место рождения, национальность, партийность, образование, социальное положение, место работы и должность, служба в армии, статья обвинения, дата ареста, вынесения приговора, освобождения, сведения о реабилитации. Такой набор данных с помощью методов статистического анализа позволяет проанализировать определенную группу лиц по заданным параметрам. Критериями могут выступать уровень образования, социальный состав,

профессиональная и национальная принадлежность, возраст, что позволяет выявить взаимосвязь между образованием, социальным происхождением, занимаемой должностью и репрессиями. Данная информация значима для получения сведений о количестве репрессированных среди представителей интеллигенции в целом, и отдельных групп. Даты ареста и вынесения приговора позволяют выявить периоды наиболее массовых арестов специалистов в регионе и сопоставить их с процессами, происходившими в стране.

Безусловно, данная группа источников содержит ценный материал по истории репрессий интеллигенции, но нужно учитывать погрешности при занесении информации в базу данных. Более того, в базе отражены лишь дела, поступившие в Пермский архив новейшей истории, часть дел на репрессированных хранится в архиве УФСБ РФ по Пермскому краю.

Особое место занимают нарративные источники. В данную группу можно отнести источники личного происхождения: дневники и воспоминания, автобиографии, которые позволяют получить уникальные сведения многопланового характера: от отношения к политике партии, идеологии до повседневной жизни интеллигенции³². При этом мемуарную литературу отличает неоднородность. Дdiamетрально противоположные оценки репрессивной политики дают в своих воспоминаниях деятели партии, репрессированные и члены их семей, сотрудники НКВД.

Привлеченная источниковая база, несмотря на неполноту и противоречивость данных, содержащихся в каждой отдельной группе источников, позволяет решить поставленные задачи. Использование широкого спектра исторических источников, многие из которых впервые

³² Будем помнить: Воспоминания и очерки о репрессиях в Пермской области в 1920-1970-х гг. Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Ч. 3. Т. 1 / Отв. за вып. А. Суслов, Ред.: Гашева Н., Калих А. М. Пермь, 2003; Воспоминания о репрессиях в Пермской области в 1920-1970-х гг. Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Ч.6. Т.2. / Отв. за вып. Калих А.М. Пермь, 2010; Воспоминания о репрессиях в Пермской области в 1920-1970-х гг. Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Ч.6. Т.3. / Отв. за вып. Калих А.М. Пермь, 2011; Генкель М.А. Семья Генкель // Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып. 3. 1996; Кашафутдинова Н. Свидетели. Чусовой, 1994; Пермский университет в воспоминаниях современников Пермь, 1991. Устные рассказы уральских рабочих. Свердловск, 1953 и др.

введены в научный оборот, позволило комплексно, многосторонне осветить репрессии технической и педагогической интеллигенции региона в 1930-е гг.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в региональной историографии проведено комплексное исследование процессов формирования и реализации репрессивной политики в отношении технической и педагогической интеллигенции в Пермском регионе. Введены в научный оборот новые источники - архивные документы по истории политических репрессий, ранее не использовавшиеся в отечественных исторических исследованиях.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В ходе процесса создания новых кадров в регионе качественные характеристики интеллигенции претерпели существенные изменения. Экстенсивный путь формирования интеллигенции негативно отразился на профессиональных компетенциях.

2. Инженерно-технические специалисты региона пострадали от репрессий в большей степени, нежели другие категории интеллигенции. На протяжении рассматриваемого десятилетия практически полностью сменился директорский корпус промышленных предприятий региона. Квалифицированных руководителей сменили лица без должного производственного опыта. В связи с этим периоды массовых репрессий 1930-х гг. сопровождались спадом в развитии промышленных отраслей.

3. Профессорско-преподавательские кадры вузов стали объектом репрессии, несмотря на отсутствие в регионе активной политической борьбы и открытого конфликта власти и научной интеллигенции, что объяснялось аполитичностью большей части научных работников. Репрессивная политика против ученых и руководящего состава вузов нанесла серьезный урон системе высшего профессионального образования и науки.

4. Политические репрессии в сфере школьного образования в регионе в 1930-е гг. привели к кардинальным переменам в кадровом составе образовательных учреждений, оказали отрицательное воздействие на

дальнейший ход развития образования, поставив его под жесткий политический и идеологический контроль.

5. Сельское учительство подверглось репрессиям в большей степени, чем городское, что связано с особой ролью школьных работников в деревне, высокой степенью их политической активности по сравнению с городскими коллегами.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования содержащегося в ней материала, положений и выводов в научной работе (подготовка обобщающих трудов по политической истории Пермского края, истории политических репрессий в российской провинции, по истории политических репрессий на Урале, истории органов НКВД, истории образовательных учреждений, предприятий), в учебно-методической работе (включение материалов диссертации в лекционные и специальные курсы, использование их при проведении семинарских занятий) и в просветительской деятельности (подготовка публикаций в СМИ, разработка экспозиций выставок и т.д.).

Апробация исследования. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры новой и новейшей истории России Пермского государственного педагогического университета.

Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в 21 публикации, общим объемом около 3 п.л., в том числе 2 в ведущих рецензируемых научных отечественных изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Результаты исследования были представлены в виде докладов и обсуждались на региональных, всероссийских, международных конференциях, семинарах, летних школах в России и за рубежом (Украина, Белоруссия).

Результаты исследования внедрены в учебный процесс – используются при изучении курса «История уголовно-исполнительной системы».

Структура диссертации обусловлена логикой исследования, а также его целью и задачами. Диссертация состоит из введения, двух глав,

объединяющих 4 параграфа, заключения, списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы, степень ее изученности, определены цель, задачи, хронологические и территориальные рамки, сформулированы методологические принципы, обозначены объект, предметы исследования, дана общая характеристика источниковой базы, научная новизна и практическая значимость.

Первая глава «Репрессивная политика большевиков в отношении технической интеллигенции» состоит из двух параграфов. В первом параграфе «Репрессии в отношении старых специалистов» характеризуются особенности проведения репрессивной политики в отношении дореволюционных инженерно-технических работников Пермского региона.

Отмечается двойственное положение старых инженерно-технических работников региона: высокий технический уровень специалистов устраивал власть, но коммунистам профессиональной квалификации было недостаточно, им нужно было воспитывать качества личности социалистического типа для реализации задач пятилеток.

Сделан вывод о том, что дореволюционная техническая интеллигенция внесла весомый вклад в развитие промышленности региона, одновременно став объектом пристального внимания тоталитарной власти, превратилась в потенциальную жертву правящего режима. На интеллигенцию власть возложила ответственность за провалы политики форсированной индустриализации и планирования. На основе архивно-следственных дел Пермского архива изучен механизм фальсификации обвинения и особенности ведения следствия. Чаще всего предъявлялись обвинения в шпионаже, вредительстве, антисоветской агитации, а также по совокупности преступлений. Обвинения предъявлялись самые разные: попытки свержения советской власти и восстановления капиталистического строя, задержка строительства новых заводов, снижение плановых показателей, ориентация

на иностранное оборудование, подготовка интервенции, преступное отношение к работе и др.

Наряду с заключением для некоторых обвиняемых специалистов в качестве меры пресечения было избрано выдворение из страны, принудительное психиатрическое лечение.

Статистический анализ показал, что аресты 1930-х гг. старых специалистов в регионе носили массовый характер. Однако в ходе репрессий в Пермском регионе пострадала не только дореволюционная, но и новая интеллигенция.

Во втором параграфе «Политика власти по отношению к новой интеллигенции» опровергается вывод советских исследователей о том, что единственным способом формирования новой интеллигенции была политика выдвиженчества³³. Установлено, что к концу 1930-х гг. в Пермском регионе удалось создать систему подготовки советских инженерно-технических работников путем открытия политехнического института, а также развертывания сети средних специальных учебных заведений, профкурсов. Констатируется, что на протяжении десятилетия в регионе происходил процесс нарастания политических репрессий новых инженерно-технических специалистов. Проанализированы биографии арестованных – типичных выдвиженцев.

Аресты специалистов привели к снижению показателей промышленных отраслей региона. Репрессии инженерно-технических кадров способствовали дезорганизации промышленного производства, замедляли темпы экономического развития, лишали руководителей предприятий возможности мыслить творчески, создавали негативный фон страха и незащищенности.

В 1930-е гг. в стране было сформировано управляемое общество, подчиняющееся новому законодательству, и произведено расширение «интеллигенции»: по государственному расчету и покорным общественным сознанием в нее были включены миллионы государственных служащих.

Во второй главе «Репрессии интеллигенции в сфере образования»

³³ Андреев Г.П. Выдвиженчество и его роль в формировании интеллигенции. С. 7.

акцентируется внимание на том, что репрессии в сфере образования, осложнили процесс развития высшей и средней школы³⁴.

В первом параграфе «Вузовская интеллигенция в условиях социалистических преобразований» рассмотрены методы воздействия на ученых: критика научных трудов как антисоветских, выговор, увольнение, исключение из партии, арест, лишение свободы или расстрел, санкция запрета на осуществление преподавательской деятельности. Репрессии вузовской интеллигенции Пермского края в целом соответствовали политике, проводимой в центре. В то же время, можно выделить ряд особенностей. Репрессии сотрудников и студентов чаще всего не были взаимосвязаны. Так, аресты ученых преобладали в пединституте и университете, максимальное количество привлеченных к уголовной ответственности студентов отмечается в мединституте. Прослеживается зависимость между образовательным уровнем и сроком осуждения. Приговор по одной статье УК в отношении лиц с высшим и средним специальным образованием был различным. Сотрудники с высшим образованием, в отличие от остальных, осуждались на максимальные сроки лишения свободы.

Высшие учебные заведения города, организованные в 1930-е гг., были созданы на базе университета, основанного до революции. Возможность вольнодумства в вузовской среде вызывала опасения власти. В связи с чем, лучшие представители старой интеллигенции были ликвидированы разными способами.

Репрессивная политика государства в высших учебных заведениях 1930-е гг. уничтожила профессию с дореволюционным образованием и стажем работы, среди них ученик А.А. Шахматова, Н.П. Лихачева профессор П.С. Богословский, ученик Платонова, А.Ф. Кони наставник Ф.П. Шевченко, автор более 120 научных работ, профессор Института живого слова А.А. Савич, ученик Прянишникова, почвовед, профессор А.Ф. Тюлин, основатель пермского бактериологического института, профессор

³⁴ Семенов С.В. Политические репрессии в высших учебных заведениях Южного Урала в 30-е годы XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). История. Вып. 31. С. 84-93.

Г.П. Розенгольц, организатор Пермского центрального института по переливанию крови, доцент мединститута И.А. Митяшин, а также всех служащих и студентов, не разделявших официального курса партии. Уволенные сотрудники, несмотря на отрицательную характеристику по месту работы в г. Перми, были признаны и успешно работали в учебных заведениях других регионов, в том числе ведущих столичных научно-исследовательских институтах, академиях и пр. Данный факт свидетельствует о том, что отношение к специалистам высшей школы со стороны партийных органов строилось на идеологической основе. Подобная политика позволила сформировать в регионе советскую высшую школу в 1930-е гг., где уделяли внимание не только и не столько профессиональным компетенциям будущего выпускника, а политической составляющей.

Во втором параграфе рассматривается учительство как объект репрессий в регионе. Отмечается, что развитие советской школы 1930-х гг. было связано с политизацией, огосударствлением, идеологизацией. В образовательной сфере не удалось избежать деформаций в разработке и реализации школьной политики. Общественная деятельность педагога противопоставлялась учебным задачам. Учитель находился в сложном положении, от него требовалась трансляция знаний, в том числе, марксистско-ленинской теории, воспитание учащихся в большевистском духе, который он сам еще в достаточной мере не усвоил. По нашим подсчетам, в 1930-е гг. на заседаниях Пермского горкома вопросы о партийно-воспитательной работе среди учительства поднимались гораздо чаще, чем обсуждение проблем обеспечения и организации учебно-образовательного процесса³⁵.

Процент арестованных сельских педагогов в четыре раза выше, чем городских, поскольку учитель выступал одним из немногих, а зачастую единственным обладателем определенного образовательного и культурного уровня в крестьянской среде³⁶. То есть учителя оказывались основным объектом для проведения политики репрессии в деревне в отношении

³⁵ ПермГАНИ. Ф. 1. Оп.1.

³⁶ Подсчитано по электронной базе данных «Репрессированные».

интеллигенции, в ряде дел они значатся организаторами, руководителями, которые вербовали малограмотное население.

Аресты не всегда были связаны с профессиональной деятельностью - обвинения учителей, напрямую связанные с профессиональной деятельностью, составили не более 12% от просмотренных дел³⁷. Отношение к педагогам было потребительским, его использовали в хозяйственно-политических кампаниях, хлебозаготовках, агитаторской работе. Безразличие к пропагандистской работе не свидетельствовало о политической нелояльности учителей (хотя именно так оно нередко оценивалось властями). Анализ документов Пермских архивов не позволяет сделать вывод о том, что педагоги в 1930-е гг. занимали активную антипартийную позицию, проявляли враждебность по отношению к действиям властей. Тем не менее, руководство региона было неудовлетворенно настроениями данной категории интеллигенции. Что повлекло за собой репрессии. Постоянные перестановки, увольнения, аресты не способствовали стабильной деятельности образовательных структур.

В заключении подведены основные итоги исследования, сделаны обобщения. Среди арестованных в Пермском регионе были руководители разных уровней: директора заводов, вузов, школ, заместители по направлениям, инженерно-технические специалисты предприятий, мастера заводов, учителя, преподаватели вузов, студенты. По политическим статьям в 1930-е гг. в регионе репрессировано около 200 сотрудников вузов, 197 учителей школ, более 4 тыс. специалистов, занятых в промышленном производстве. На место репрессированных в Пермском регионе пришли люди без необходимого опыта и квалификации. Большие потери понесла интеллигенция - носитель духовного потенциала, высококвалифицированные специалисты.

Таким образом, в соответствии с имевшимися директивами ЦК ВКП(б), прямыми указаниями И.В.Сталина органы НКВД активизировали свою

³⁷ Подсчитано по электронной базе данных «Репрессированные»

деятельность по вскрытию и ликвидации «контрреволюционных» организаций и борьбе с «врагами» и «вредителями». В целом отношения между дореволюционными работниками умственного труда и советской властью характеризовались неприязнью и недоверием, поэтому возникла необходимость формирования новой социалистической интеллигенции. В 1930-е гг. в регионе произошло значительное увеличение технической и педагогической интеллигенции, наряду со снижением квалификационного уровня и изменением социального состава специалистов.

Массовые политические репрессии в 1930-е гг. были важнейшим механизмом регулирования жизни государства. Они стали завершающим этапом сталинской революции «сверху». Индустриализация стала возможна только при наличии и введении в действие репрессий. Репрессивный механизм оставался необходимым в СССР и после его перехода к социалистической экономике. В частности, он перераспределял рабочую силу в нужных государству направлениях и отраслях. Человеческие жертвы, экономические и культурные последствия «большого террора» невосполнимы. Политические репрессии причинили колоссальный вред, уничтожив ученых, педагогов, инженерно-технических специалистов, руководителей разного уровня. Репрессии интеллигенции 1930-х гг. нанесли неизмеримый урон историческому развитию региона и страны в целом, который продолжает ощущаться и поныне.

**Основные положения и научные результаты диссертационного
исследования изложены в следующих работах:**

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК Минобрнауки России:

1. Шилова И.С. К вопросу о фальсификации дел в отношении интеллигенции в 1930-е гг. (по материалам Пермского архива новейшей истории) // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. №4(16) (Гуманитарные и общественные науки). С. 145-153.
2. Шилова И.С. Политика власти по отношению к новой технической интеллигенции в 1930 - е гг. (по материалам Пермского края) // Вестник

Поморского университета. Архангельск, 2011. № 7. (Гуманитарные и социальные науки). С. 75-89.

Публикации в других изданиях:

1. Шилова И.С. Большой террор 1937-1938 гг. в отношении технических специалистов // 1937год. Память и уроки: матер. Межрег. науч.-практич. конф. Тюмень, 2007. С. 91 -94.
2. Шилова И.С. Большой террор и интеллигенция в Пермском крае // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Вып. 7. Томск, 2007. С. 78-89.
3. Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий. / Под ред. А.Б. Суслова; Сост. в т.ч. Шилова И.С. Пермь, 2008. Часть 5. Т. 2.
4. Шилова И.С. Дело профессора Захарова // Матер. IV-й Всерос. науч. конф. 22-23 мая 2009 г. Тюмень, 2009. С. 126-128.
5. Шилова И.С. Дело Сребницкого // Дни науки исторического факультета Киевского национального университета. Вып. 3. Ч. 2. Киев, 2009. С. 115-118.
6. Шилова И.С. Индустриализация на Урале (к вопросу о репрессиях технических специалистов) // Политические репрессии в судьбах технической интеллигенции России: Матер. Всерос. науч. конф. Самара, 2009. С. 129-136.
7. Шилова И.С. К вопросу о коми-пермяцком литературном языке // Строгановские чтения, 19-20 сентября 2008 г., Усолье. Пермь, 2009. С.78-81.
8. Когда мы были молодые...: Сб. документов и материалов: в 2 т. / Отв. ред. Т.И. Демиденко; Сост. в т.ч. Шилова И.С. Пермь, 2009.
9. Шилова И.С. Неистовства истории и судьба буржуазного интеллигента: Жизнь и судьба профессора В. Э. Крусмана) // Родовое сознание и духовное предпринимательство: Матер. Междунар. науч.-практич. конф., 27-30 марта 2002 г. Пермь, 2002. С. 72-79.
10. Шилова И.С. Пермская городская библиотека им. Горького в 1931-1932 гг. // XI-е Смышляевские чтения. Пермь, 2009. С. 220-222.

11. Шилова И.С. Пермский государственный университет в годы первой пятилетки // Матер. II междунар. науч.-практич. конф. Пенза, 2009. С.101-109.
12. Шилова И.С. Пермский педагогический институт в годы «Большого террора» // Проблемы массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «антикулацкой» операции НКВД СССР: Матер. V-й Всерос. науч. конф. Краснодар, 2008. С. 120-127.
13. Шилова И.С. Пермский период И.П. Вороницына // Россия и россияне: особенности цивилизации. Матер. междунар. конф., посвященной 80-летию АЛТИ-АГТУ. Архангельск, 2009. С. 261-263.
14. Шилова И.С. Расстрельный приказ № 00447 // Гуманитарно-пенитенциарный вестник. Специальный выпуск к 130-летию УИС. Рязань, 2009. С. 199-202.
15. Шилова И.С. Репрессированные тюменцы // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития. Тюмень, 2009. С. 28-32.
16. Шилова И.С. С новой жизни // Грибушинские чтения – 2009: Тез. 7-й межрег. науч.-практич. конф. 23-25 апреля 2009 г. Кунгур, 2009. С. 258-260.
17. Шилова И.С. Следователь назвал мое дело «фантастическим» // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Матер. VI-й Междунар. науч. конф. Краснодар, 2010. С. 385-394.
18. Шилова И.С. Творческие пути писателей Урала (1930-е годы) // Бостонский «Мемориал»: Матер. 4-й Конф. Бостон, 2009. С. 32-38.
19. Шилова И.С. Техническая интеллигенция Урала в годы первых пятилеток // Диалог культур и цивилизаций: Матер. X-й Всерос. науч. конф. молодых историков. Тобольск, 2009. С. 111-113.